

Марія Тіамат

ВЕЛИЧИЕ

Том 3

RUGRAM

Москва

2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Т39

Тиамат, М.

Т39 Величие. Том 3 / М. Тиамат. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 286 с. — (Величие).

ISBN 978-5-517-11686-4

Война окончена, однако, чем больше ширится национальная слава Орсинь, тем меньше это нравится аристократии. В новой схватке тоже победит кто-то один. А Аурелию не дают покоя странные ощущения, посетившие его во время последней битвы: император начинает догадываться, в чём заключается секрет его рода и как именно погибла его семья. Арэйсу по-прежнему ищет свою смерть и неизвестно, найдётся ли луч света, который сумеет разогнать окутавшую её тьму. Но самое главное — война изменила обоих возлюбленных, и им становится всё сложнее находить общий язык. Достигнув вершины величия, не пожалеют ли герои о проделанном пути?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FA
BISAC FIC000000

© Тиамат М., 2024
© Дженова В.,
внутреннее оформление, 2024
© Мастерская Фантазерки,
обложка, 2024
© Мастерская Фантазерки и
Тиамат М., форзац, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-517-11686-4

ЧАСТЬ 5

ИХ ВЕЛИЧИЕ

ГЛАВА 1. РАСКОЛ

Возвращение армии в столицу прошло как нельзя более торжественно. Праздничные ленты протянули не только на центральных проспектах, но и на улочках поменьше, яркие декоративные орнаменты и картинки красовались в витринах магазинов и в сумраке таверн. Осень в этом году выдалась на редкость сухая, багряная, и первые морозы сразу прихватили её инеем, разукрашивая ещё не успевшую облететь листву серебряной вышивкой. Но даже если бы всех этих приготовлений не было, а погода испортилась, ничто не умалило бы ликования горожан. Пока полки маршировали по улицам столицы, жители усыпали их дорогу цветами и дарили возвратившимся защитникам ароматный хлеб. Слезам, долгожданным воссоединениям и словам любви не было конца.

Но главное внимание, безусловно, приковывали к себе восседающий на белом коне император и шествующая рядом с ним на серебристом волке эльфийка. Одетая в парадный полудоспех, с тяжёлым копьём наперевес, которым она периодически воинственно потрясала, Орсинь соперничала со священным ореолом Аурелия, одетого в пурпурные с золотом ткани. Если бы какой-нибудь поэт пожелал описать богов войны с властным пронзительным взором, горделивой осанкой и величественностью жестов, он не нашёл бы воплощения лучше, чем эти двое.

В каждом самодельном лозунге, нарисованном на куске ткани и маячившем среди приветствующей толпы, в каждой газетной будке Орсинь видела собственное

ВЕЛИЧИЕ

имя наряду с портретом Аурелия. Кэрел позаботился о том, чтобы сказания о её подвигах захватили воображение горожан. Красочные очерки живописали каждый шаг эльфийки, делая её для обывателей ближе, чем в те времена, когда она ходила рядом с ними по одним и тем же улицам. Поблёлки предрассудки, стёрлось из памяти бывшее недоверие. Теперь народ восхвалял Белую Ведьму — Белую Волчицу, как здесь её прозвали, — ставшую новым символом северной страны.

Рискнувшая жизнью ради победы, она, как и некогда норды, оказалась на краю гибели, но восстала, чтобы обрести ещё больше славы. И если император был солнцем, озаряющим империю, то Волчица — прямым её воплощением. Никогда Орсинь ещё не вкушала столь пламенного преклонения, никогда ещё мурашки, бегающие по её коже, не были столь сладостны. Однако восторг отнюдь не затмевал разума, наполняя эльфийку чем-то сродни хладнокровному удовлетворению: пусть на ближайшие недели симпатии простых горожан всецело принадлежали ей, праздновать окончательную победу по-прежнему было преждевременно.

Орсинь взглянула на Аурелия, и тот кивнул: они находились на центральной площади перед дворцом. Пара кавалерийских полков торжественно выстроилась по левую и правую стороны от императора. Все дома и деревья вокруг были облеплены внимающим народом, а ближайшую половину площади заняла разодетая в пух и прах знать.

— Друзья! Я обращаюсь к вам именно так, ибо мы объединены кровью, — начал речь Аурелий. — Эта война была для нас трагичной, внезапной и тяжёлой. Мы многое потеряли, но многое и обрели: веру в справедливость, единство, любовь к ближнему. Я первый познал её и желаю теперь, как и вы, вернуться к мирной жизни, чтобы положить все силы ради нашего благополучия...

Он не заучивал текст наизусть, мысль лилась спонтанно. И так хорошо, так искренне у императора это получалось, что воцарилась редкостная тишина, и голос его доносился до самых дальних ответвлений улиц.

Ма́ри́я Ти́амат

— ...А теперь, когда мы празднуем нашу всеобщую победу, я желаю поделиться с вами и личным счастьем: сегодня я официально объявляю о начале приготовлений к свадьбе с моей невестой Орсинь. В ближайшие несколько месяцев я сделаю её своей законной супругой, и она разделит со мной престол, продолжая и дальше служить на благо Белой империи!

Площадь взорвалась бурными рукоплесканиями. Вглядываясь в восторженные лица, эльфийка замечала и гримасы ненависти отдельных аристократов. О да, она уже предвкушала их злобу и гнев — но отныне ей не нужно было церемониться. На её стороне прошедшая с ней огонь и воду армия, и каждого, кто осмелится восстать против неё, она сотрёт в порошок. Орсинь машинально сжала древко копья, и Вьенгр, ощутив её настрой, оскалил пасть, оглашая площадь пугающим рыком. Аристократы — особенно те, что стояли вблизи, — отшатнулись. Кто-то под общий хохот упал в грязь.

— Я бы тоже хотела высказаться. — Орсинь подняла ладонь, призывая к вниманию.

Они с Аурелием не планировали этого заранее, но сейчас необходимые слова пришли на ум сами собой.

— На этой войне я поняла, насколько дорогой стала для меня Белая империя, куда я поначалу приехала в качестве наивной гостьи. Насколько сильно полюбила культуру нордов, насколько сжилась с вашими обычаями, насколько сроднилась с каждым из вас. Больше не хочу притворяться, что я в точности такая же, как и вы, но хочу, чтобы вы знали: Белая империя стала для меня настоящим домом, который я тоже мечтаю оберегать. Надеюсь, что вы позволите мне это. — Скромный поклон, который завершил эту фразу, был встречен горячим одобрением, и тогда голос эльфийки стал твёрже, приобретая опасную вкрадчивость. — Однако меня кое-что беспокоит. Есть те, кто не считает меня достойной императора. Кто желает сделать вид, что я не истекала кровью ради их собственного спокойствия.

Беспокойный рокот прокатился по площади, нарушая всеобщую безмятежность. Краем глаза Орсинь заметила,

ВЕЛИЧИЕ

как Аурелий пытается изо всех сил скрыть ошеломление и одновременно знаками показать: «Что ты делаешь?!» Усмехнувшись про себя и вздохнув поглубже, эльфийка продолжила:

— Этот вопрос гораздо серьезнее, чем кажется! Я благодарна за ваше доверие, но, если вы желаете, чтобы я осталась, я должна знать — готовы ли вы поддержать меня? Готовы ли отстаивать собственную волю или покоритесь тем, кто пожелает лишить меня вашей любви? Одна я слишком слаба, чтобы противостоять всем козням и интригам, которые вскоре поднимутся против меня. Но если вы будете меня защищать — я найду силы выстоять! Если я буду знать, что делаю это не только ради себя, — ни за что не опущу руки!

Ответный хор голосов оказался столь оглушающим, что заложило уши. Горожане неистовствовали, свистя и размахивая флагами, и постепенно их взволнованный хор сложился в единое слово, которое они скандировали по слогам: «Императрица». Вздурораженное море простого народа переставало быть управляемым.

— Грядут перемены! — прогремела Орсинь, назидательно устремляя в небо копье, и тень от её силуэта будто бы накрыла всю площадь. — Готовы ли вы стать моей мощью и опорой?! Вместе мы сможем отстоять то, что нам дорого!..

Знать стояла бледная и безмолвная.

— ...И моё первое требование таково: чтобы в ближайшие четыре дня представители всех аристократических домов принесли мне присягу, как невесте Табриесса, заверяя в искренности и сердечности своего отношения.

Даже когда они удалились во дворец, шум впавшей в неистовство толпы продолжал доноситься издалека. Что-то там, на улице, начинало бурлить и требовать выхода, рождаясь из хаоса народной ярости.

Ма́ри́я Ти́амат

— Вот вечно мы планируем, планируем, а потом ты переворачиваешь всё по-своему! — без укора, но с некоторой досадой воскликнул Аурелий, когда они остались одни в покоях.

— Спонтанность — мой конёк, ты же знаешь, — усмехнулась Орсинь. — Но разве это не было ловким ходом? Теперь аристократии будет гораздо труднее что-либо открыто противопоставить мне.

— Да, это умно, — подала бесстрастный голос Арэйсу, остановившаяся у входа в гостиную. — Однако самый опасный момент наступит непосредственно перед или уже после свадьбы, когда ты будешь считать, что опасность миновала, и расслабишься. Именно тогда на тебя, скорее всего, нападут. После таких заявлений — уж точно.

— Я не расслаблюсь, — отмахнулась эльфийка. — По крайней мере, до тех пор, пока аристократия не будет низведена до подчинённого элемента. А во-вторых, у меня есть ты, разве не так? — И Орсинь хитро подмигнула княгине.

Та ответила ей каменным выражением лица, что можно было считать за согласие.

В двери постучали, заставляя всех троих предупредительно замолчать, а затем в гостиную вошёл лакей, торжественно объявляя:

— Ваше Величество! Вашей аудиенции просят: граф Круазе, баронесса Шертхесс, князь Мелирт.

— Проси, — разрешил Аурелий, и в комнату с радостными возгласами вбежали друзья.

— Что вы там такое устроили, уму непостижимо! — захлёбывался Пьерше. — Это вы заранее спланировали? Всесильная Бездна, а как вы оба изменились! Не узнать!

— Я расчистила вам путь. Теперь пользуйтесь возможностью и делайте то, что считаете необходимым, пока город пребывает в эйфории и я могу рассчитывать на безоговорочное одобрение, — жёстко произнесла Орсинь, так что граф перестал смеяться. — Да, и нужно оставить войска в городе, чтобы поддерживать порядок. Мало ли...

ВЕЛИЧИЕ

— Так вы не преувеличивали, когда говорили о переменах? — вскинул брови Кэрел.

— Мы всё уже решили с Орсинь во время похода. Я не доверял информацию письмам на случай, если их перехватят. Настало время обсудить план наших действий и с вами, — кивнул Аурелий, и друзей поразило, сколько размеренности появилось в его манере вести разговор. — В первую очередь, я планирую в полном смысле разделить свою власть с Орсинь и передать ей часть полномочий. Я знаю, какой государственной сфере мне больше всего хотелось бы посвятить своё внимание, — благоустройству и здравоохранению наших городов. Остальное я планирую оставить под её началом, но, разумеется, это произойдёт не сразу.

— Как? Ты самоустранишься от управления?! — Пьерше был шокирован. — Аурелий, но как же мы?

— Да, верно! Мы же думали, что будем вместе воплощать нашу мечту, разве нет? — растерянно подхватила Сепиру.

— В любом случае это произойдёт не сразу, — мягко успокоил их император. — Знаю, слышать о таком решении вам непривычно и, наверное, даже неприятно, но в ближайший год точно ничего не поменяется. Орсинь по-прежнему предстоит ещё многому научиться, и я буду посвящать её в тонкости государственного управления постепенно. Можете считать, что я просто хочу немного разгрузить свой график, чтобы оставалось достаточное время на те задачи, которые мне наиболее важны. Такой вот я эгоист. Но в любом случае я всегда буду рядом, ведь от титула императора меня никто не освободит, — закончил он со странной усмешкой.

В тот момент, когда друзья подбирали слова, осмысляя услышанное, вновь постучал лакей, объявляя о визите князя Мешерие. Не дожидаясь, пока слуга полностью произнесёт его титул, министр прошёл через вестибюль быстрым шагом и упал на колени перед Аурелием и Орсинь.

— Ваше Императорское Величество! Императрица! — поклонился он поочерёдно им обоим. — Как верный

Ма́ри́я Ти́амат

слуга, я хотел первым засвидетельствовать самую горячую преданность вашим особам.

Голос его охрип, как будто его душили, и было так неестественно видеть этого мощного, жёсткого старика коленопреклонённым.

— Ах, это так мило с вашей стороны. — Эльфийка позволила себе приторно улыбнуться. Так открыто смаковать власть над недругом было с любой точки зрения нехорошо, однако Орсинь просто не могла отказать себе в этом маленьком развлечении. — Конечно, у меня нет выбора, кроме как принять вашу клятву.

По той паузе, которая затем последовала, можно было подумать, что князь готов испепелить эльфийку на месте, однако в конце концов самообладание ему не изменило.

— Позвольте будущему доказать искренность моих слов.

— Разумеется, — согласился Аурелий. — Прошу, встаньте, время нас не ждёт.

Князь Мешерие поднялся, с удивлением всматриваясь в государя, который словно бы вырос.

— Я попросил бы вас употребить сегодня все усилия, чтобы составить подробный отчёт о состоянии бюджета. Мне важно понять, в какой экономической ситуации мы находимся, пока условия мирного договора не определены полностью. — На этой фразе император бросил многозначительный взгляд на Пьерше. — Всё, вы свободны, — добавил он, возвращаясь к министру финансов, который пытался было сказать что-то ещё. — Уверен, поставленной перед вами задачи достаточно, чтобы обеспечить бессонную ночь, а в вашем возрасте необходимо беречь себя.

Сглотнув, князь Мешерие нехотя покинул гостиную. Он будто бы сгорбился, сражённый наповал той безаппеляционностью, с которой император теперь позволял себе с ним обращаться. От юноши, который трепетал от одного слова «престол», не осталось и следа.

— Подготовьте мне, пожалуйста, списки тех, кого считаете подходящим на его должность, — обратился Аурелий к друзьям, когда лакей плотно затворил двери.